

Цзи Вэйцю виновато забегал глазами, а его руки, спрятанные в рукавах, нервно теребили шов. Он не осмеливался посмотреть брату в глаза.

Он же не дурак. Брат заставил его изучать доклады столетней давности, шаг за шагом учил анализировать — явно не для того, чтобы просто предупредить. Да и не совершал он ничего такого, за что его стоило бы предупреждать.

Он хорошо знал своего брата. Тот никогда не утруждал себя сложными предупреждениями. Обычно он бросал одну фразу и оставлял собеседника размышлять над ней. Или вообще ничего не говорил. Тот, кто не понимал намёков, умирал, и поделом. Желающих стать приближёнными императора было предостаточно, одним больше, одним меньше — не велика потеря.

— Подними голову, — холодно хмыкнул Цзи Су. Тело Цзи Вэйцю среагировало быстрее мысли — он тут же вскинул голову. От взгляда брата по спине пробежал мороз. Цзи Су, видя его состояние, ледяным тоном приказал: — Подойди!

У Цзи Вэйцю волосы на голове зашевелились от страха, но он послушно подошёл к трону. С отчётливым звоном кисть для письма, отделанная золотом и нефритом, ударилась о стол. Гнев Цзи Су был очевиден, хоть он и сохранял внешнее спокойствие.

— Князь Жуй — особа важная, как я смею его трогать? — медленно произнёс он.

Эта язвительная интонация напугала Цзи Вэйцю до смерти. Он выпалил:

— Как бы я ни был важен, с братом-императором не сравнюсь! Мою жизнь дал мне ты, и можешь забрать её, когда захочешь.

— Замолчи, — ледяным тоном оборвал его Цзи Су. — Если я ещё раз услышу подобные речи, ты до конца своих дней не покинешь этот дворец.

«А что, это вариант», — подумал Цзи Вэйцю. — «Поселюсь во дворце Вечного Покоя... э-э, нет, это же Восточный дворец, для будущего наследника. Ну да ладно, в гареме всё равно наложниц нет, так что не придётся никого избегать. Можно жить где угодно. К обеду ходить к матушке, наелся — и в императорский сад, прогуляться, переварить пищу. Потом найти старых дворцовых слуг, сыграть пару партий в карты, а потом — спать. Красота!»

Но вслух он, конечно, такого не сказал, лишь смиренно проговорил:

— Я оговорился, не гневайся, брат-император.

Цзи Су, видя его послушание, сменил гнев на милость.

— В деле Ли Юньсю ты смотришь только на него, но не на императора Шицзу. В этом твой недостаток.

Цзи Вэйцю замер.

— М-м?

Цзи Су взял кисть и обвёл резолюцию Шицзу.

— Почему Шицзу отправил Ли Юньсю в Ляюань главой области?

Этот вопрос уже поднимался, и Цзи Вэйцю без колебаний ответил:

— Ли Юньсю был его товарищем по учёбе. Взойдя на престол, Шицзу, естественно, хотел укрепить своё положение, расставив на ключевые посты верных людей. Ляюань находится близко к столице, в случае войны это важный стратегический пункт. Отправив туда Ли Юньсю, он, во-первых, мог присматривать за ним, во-вторых, передавал контроль над важной территорией в надёжные руки, и в-третьих, давал Ли Юньсю возможность накопить заслуги.

— Верно, — взгляд Цзи Су стал холодным. Он снова ткнул кистью в резолюцию. — Если бы ты был Шицзу, действия Ли Юньсю были бы тебе на руку?

— Думаю, нет, — Цзи Вэйцю посмотрел на кроваво-красные иероглифы и, чтобы сэкономить силы, неосознанно опёрся о подлокотник трона. — Неурожай, смута в Ляюане, беженцы хлынули бы в столицу. Не вижу в этом ничего хорошего...

Если не иметь доступа к другим докладам того времени и судить только по имеющимся, для Шицзу в этом не было никакой выгоды. К тому же, он только недавно взойшёл на престол. Такое происшествие, должно быть, доставило ему немало головной боли.

— Если так, почему Шицзу отправил Ли Юньсю на границу? — спросил Цзи Су.

— Впал в немилость? — предположил Цзи Вэйцю.

В ответ он получил ледяной взгляд брата. Цзи Вэйцю втянул голову в плечи и, оперевшись о подлокотник, снова принялся перебирать доклады, напряжённо размышляя.

Рука Цзи Су ощущала лёгкое прикосновение брата. Он поднял глаза и, видя, как серьёзно тот задумался, не стал его беспокоить. Перебирая доклады, Цзи Вэйцю не удержался и спросил:

— Брат-император, можно мне посмотреть другие архивы того времени?

— Этих достаточно, — ответил Цзи Су.

Пришлось Цзи Вэйцю продолжать поиски. Но что нового он мог найти там, где уже всё изучил? Разве что цветок из бумаги вырастет? Он украдкой взглянул на Цзи Су. Тот уже взялся за новый доклад. Беспокоить его было нельзя, но как он ни думал, в голову приходило только одно: Шицзу от него отвернулся!

Подумать только, отправить человека в место, кишашее старыми интриганами, где холодно и нет никакой выгоды, да ещё и начинать с должности простого писаря — как это ещё назвать, если не немилостью? Ведь писарь, если не случится ничего из ряда вон выходящего, никогда не попадёт на поле боя. Его карьера будет зависеть лишь от исхода сражений, в которых он не участвует.

Цзи Су заметил, как юноша бросает на него страдальческие взгляды, но не решается ничего сказать. Он небрежно подсказал:

— Канцлер Гу.

Цзи Вэйцю замер, а потом его осенило. Точно! Ли Юньсю был похож не столько на него, сколько на канцлера Гу. Хотя Гу не был товарищем по учёбе его брата, но был его доверенным лицом. Взойдя на престол, брат первым делом отправил Гу в Цзяннань. Это было невероятно важное место. Но он помнил, что первое задание канцлер Гу, хоть и не провалил с треском, но выполнил с большим трудом.

Конечно, для посторонних всё выглядело блестяще.

Дело было не в том, что Гу был недостаточно умён. Просто в Цзяннани веками правили могущественные кланы и богатые купцы, это было настоящее змеиное гнездо, за которыми стояли влиятельные люди при дворе. Гу подставили, и в итоге его брат помог ему выпутаться, сделав всё так гладко, что никто при дворе не смог придраться, и Гу получил блестящую запись в послужной список.

На самом деле, некоторые знали, что Гу чуть не провалил дело. Но его брат ясно дал понять, что будет защищать своего человека. А раз формально всё было безупречно, кто осмелился бы искать соринку в чужом глазу?

Если так посмотреть, история Ли Юньсю и Шицзу была точь-в-точь такой же. Оба допустили ошибки, и в обоих случаях государь их прикрыл. Но Гу сейчас — глава кабинета министров, опора государства, а Ли Юньсю в его возрасте уже был заклеимён как убийца императора, и трава на его могиле, если бы она была, выросла бы уже в три чжана.

Хотя нет, у него, скорее всего, и могилы-то не было. По закону, покушение на императора приравнивалось к измене. Преступника убивали на месте, весь его клан подвергался гонениям, а тело вывешивали на городских воротах в назидание, пока оно не превращалось в груды костей, которую потом выбрасывали на свалку.

Цзи Вэйцю решил похвалить верного соратника своего брата. Это ведь тоже своего рода гармония между государем и подданным!

— Брат-император, канцлер Гу — человек сдержанный и рассудительный. Как можно сравнивать с ним Ли Юньсю?

При этих словах выражение лица Цзи Су не изменилось, но взгляд стал ещё холоднее. У Цзи Вэйцю по спине побежали мурашки... Что это значит? Неужели брат давно недолюбливает Гу, но просто не нашёл подходящего повода, чтобы от него избавиться? И поэтому, когда он похвалил канцлера, брат рассердился?

Или, как гласят дворцовые слухи, они с Гу на самом деле пара, но из-за императорского достоинства вынуждены скрывать свои чувства? И поэтому, когда он похвалил Гу, брат приревновал?

Не может быть! Он бы заметил! Если только они не сошлись в последние два года, иначе он не мог не знать!

Цзи Вэйцю задумчиво смотрел на профиль Цзи Су. А ведь... а ведь это не исключено! Ведь Гу — единственный, кто может свободно входить в Дворец Ясного Покоя! Ого, неужели он случайно раскрыл тайну? Вот это поворот!

Тут он поймал на себе взгляд Цзи Су и виновато очнулся... Кхм, что за ерунду он себе напридумывал? Если бы брат узнал, о чём он думает, его бы тут же утащили и забили до смерти.

Цзи Вэйцю попытался найти в докладах больше информации, но он уже изучил их вдоль и поперёк. Он мог бы пересказать их по памяти. Ничего нового. Но брат продолжал на него смотреть, и ему пришлось наугад предполагать:

— Шицзу, наверное, был огорчён? Ведь его товарищ по учёбе оказался безмозглым, отпустишь его — он натворит бед, не отпустишь — жалко... Или он был разочарован? Чувствовал себя преданным?

Цзи Су вздохнул и положил руку на доклад. Цзи Вэйцю, следуя его жесту, прекратил поиски и приготовился слушать.

— Десять лет они учились вместе, их дружба была не слабее братской, — спокойно начал Цзи

Су. — Шицзу использовал Ли Юньсю, но не смог восполнить его недостатки. Ли Юньсю был заносчив, неоднократно нарушал правила и законы, а Шицзу снова и снова прощал его. Когда дружба иссякла, они, вернувшись в столицу, стали врагами.

Цзи Вэйцю не ожидал такого ракурса. Он слушал так внимательно, что незаметно сел на ступеньку у подножия трона. Он ждал, что брат продолжит, но тут кисть в руке Цзи Су двинулась в его сторону.

Цзи Вэйцю инстинктивно закрыл глаза и почувствовал на лбу холодное прикосновение.

— Каждый желает, чтобы дружба юности была вечной.

Кисть оставила на лбу Цзи Вэйцю точку киновари, похожую на родинку или на знак, который рисуют детям для защиты и удачи. Цзи Су, глядя на эту точку, ровным голосом произнёс:

— Тот, кто следует законам Поднебесной, правит; кто не следует — сеет хаос. Тот, кто следует, обретает покой; кто не следует — опасность. Тот, кто следует, выживает; кто не следует — гибнет.

— Ли Куан был другом, но также и подданным. Шицзу относился к подданному как к другу, и это привело к тому, что подданный перестал относиться к государю с должным почтением. Ты понимаешь?

Брат имел в виду, что именно потому, что Шицзу видел в Ли Юньсю друга, он закрывал глаза на его проступки. И это привело к тому, что Ли Юньсю тоже видел в Шицзу друга, а не государя, и вёл себя всё более дерзко. Если бы Шицзу с самого начала чётко разграничил личное и служебное, видел в Ли Юньсю подданного, а не друга, и дал ему понять границы дозволенного, тот не стал бы таким заносчивым. Тогда между государем и подданным не возникло бы отчуждения, и такой трагедии не случилось бы.

«Каждый желает, чтобы дружба юности была вечной». Брат говорит это, надеясь, что если я окажусь в подобной ситуации, то не повторю тех же ошибок?

Или... он учит меня искусству управления людьми?

А может, и то, и другое?

Слова брата прозвучали для Цзи Вэйцю как удар грома. Он ошеломлённо смотрел на Цзи Су, пытаясь прочесть что-то в его глазах. Но тот смотрел на него сверху вниз, и казалось, все его мысли и чувства были видны как на ладони. Неизвестно, сколько он так смотрел, но в итоге смущённо опустил голову.

— Брат-император, зачем ты мне всё это рассказываешь?

С его-то положением, ему лучше никогда не касаться таких вещей.

Внезапно белые, изящные пальцы взяли его за подбородок и подняли голову. Цзи Вэйцю невольно встретился взглядом с Цзи Су.

Цзи Су взял платок и неторопливо, аккуратно стёр киноварь с его лба.

— Ты вырастешь, нельзя больше жить как прежде, в неведении.

— «Благословенный и почитаемый, орудие императора». — Цзи Су отпустил его. Платок, испачканный киноварью, соскользнул с его пальцев и упал на колени Цзи Вэйцю. Тот сжал его в руке и поднял голову, глядя на брата снизу вверх.

Эти две фразы были из указа, которым его нарекли князем Жуюем.

Раздался тихий треск. Пламя свечи дрогнуло, отбрасывая на стены причудливые, танцующие тени. Дворцовые слуги поспешили войти, чтобы поправить светильники. Их одежды колыхались в мерцающем свете. В этот миг Цзи Су легонько коснулся его волос.

— Путь в тысячу ли начинается с первого шага. Будь усерден и не посрами имя... князя Жуюя.

<http://bllate.org/book/16115/1586211>